

Н. Бердяев

Философия неравенства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н. Бердяев**
Философия неравенства / Н. Бердяев – М.: Книга по Требованию, 2017. –
246 с.

ISBN 978-5-458-78296-8

ISBN 978-5-458-78296-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

человѣческаго сердца чувство вѣчности и тоску по вѣчности. Это черезъ васъ время, приносящее смерть, ведетъ борьбу съ вѣчностью, приземлѣ. Мы давно уже предупреждали, давно уже вскрывали, къ чему должно привести ваше господство, давно духовно боролся съ вами въ мѣру силъ своихъ. Нынѣ начинаютъ узнавать васъ и тѣ, которые раньше были соблазнены вашимъ духомъ, всѣ эти просвѣтителы, прогрессисты и гуманисты, оставшіеся на поверхности жизни, не вѣдавшіе зла, прекраснодушные, невинно мечтавшіе о благѣ народа и о счастьѣ на землѣ. Мы давно уже предупреждали, давно уже вскрывали, къ чему приведутъ тѣ пути, по которымъ шло интеллигентное русское общество и на которые толкали русскій народъ. Говорили мы и о той страшной отвѣтственности, которая падаетъ на власть имѣвшихъ, на классы господствующіе, почти ничего не дѣлавшіе для творческаго предотвращенія этого рокового ниспаденія Россіи и русскаго народа въ бездну. Пусть вспомнятъ нынѣ сборникъ «Вѣхи» и оцѣнить его болѣе безпристрастно.

Планъ этой книги зародился въ стихіи русской революціи. И писать ее я началъ въ день годовщины революціи. Менѣе всего я собираюсь писать систему социальной философіи. Время такихъ системъ прошло уже. Я хочу вскрыть духовныя основы общественной мысли, дать то, что можно было бы назвать онтологической психологіей или феноменологіей общественности. Русская революція даетъ внутренніе импульсы и толчки для такой работы мысли. Революція даетъ великій опытъ и обостряетъ всѣ основныя проблемы социальной философіи. Не сама революція обостряетъ и углубляетъ мысль. Наоборотъ, тѣ, которые дѣлаютъ революцію и захвачены ею потокомъ, выброшены на поверхность и теряютъ всякую способность различенія и углубленныхъ оцѣнокъ. Люди эти оторваны отъ глубины, отъ всѣхъ источниковъ духовной жизни и неспособны ни къ какому познанію. Но въ духовной реакціи на революцію, во внутреннемъ ея осмысливаніи обостряется мысль, углубляется познаніе и много новаго пріоткрывается. Есть такіе, которые думаютъ, что революція — религіозна, и что русская революція — религіозна по преимуществу, что въ ней рождается новый чловѣкъ, открывается новое сознаніе. Такая игра въ сопоставленіе революціи и религіи, такое покрытие революціонной стихіи пышнымъ одѣяніемъ религіозной фразеологіи, такое мистическое ея идеализированіе есть духовное блудодѣйство. Разсудочный прозаизмъ настоящихъ революціонеровъ, дѣлающихъ революцію, а не поэтизирующихъ и

не мистифицирующихъ ее со стороны, въ тысячу разъ лучше и чище. Когда романтическій, лирическій поэтъ началъ пѣть гимны неистовствамъ революціи и писать статьи, оправдывавшія всѣ ея злодѣянія, онъ обнаружилъ лишь разложеніе собственной души, потерявшей всякое различіе между правдой и ложью, между реальностями и призраками, и совершилъ предательство Духа. Вы, люди духа и духовнаго творчества, призванные быть «хранителями тайны и вѣры», когда вы пассивно и безсильно отдавались господствующимъ стихіямъ, когда потворствовали бушующей черни, громящей величайшія святѣни и цѣнности, когда не нашлось у васъ ни одного сильнаго слова въ защиту вѣчности и высшей жизни духа, вы явили собой самое жалкое и низменное зрѣлище. Въ самый страшный и отвѣтственный часъ жизненныхъ испытаній, когда проявляется удѣльный вѣсъ всѣхъ человѣческихъ мыслей и словъ, всѣхъ человѣческихъ вѣрованій и упованій, вы оказались духовно немощными и растерянными, потеряли всѣ критеріи духа, у васъ не оказалось собственныхъ словъ, добытыхъ изъ духовнаго опыта общенія съ вѣчностью. Вы заговорили чужими словами и шумъ улицъ и площадей почувствовался въ вашихъ рѣчахъ и статьяхъ. Вы не обнаружили рыцарской вѣрности и рыцарскаго благородства, вы оказались плебеями духа. Вы забыли вѣчное различіе между рыцарями духа и чернью. Въ васъ никогда не было силы духа, вы не стяжали себѣ даровъ духа. Вы — слабые, безвольные, двоящіеся люди, неспособные къ цѣльному избранію предмета любви, своей истины, правды и красоты. Если красота ваша, правда ваша, истина ваша зависятъ отъ дуновенія вѣтровъ, отъ бушеванія стихій, отъ шума и гула улицъ, площадей и дорогъ, то у васъ нѣтъ красоты, нѣтъ правды и нѣтъ истины, вы нищѣ, невооруженные въ часъ борьбы, не готовые къ войнѣ. А иные изъ васъ любили говорить, что человѣкъ долженъ заковать себя въ броню, надѣть латы и шлемъ, взять щитъ и копье. Гдѣ же оказались ваши рыцарскіе доспѣхи въ часъ битвы, въ страшный часъ роковаго поединка противоположныхъ духовъ? Вы оказались слабыми и колеблющимися, какъ тростникъ, безоружными и беззащитными. Изъ малодушія начали вы выдумывать оправданія своей слабости передъ темными силами, своего потворства духамъ тьмы. Но никого вы не обманули. Вы лишь унизили достоинство русскаго писателя, русскаго поэта, русскаго мыслителя. Именъ вашихъ я не буду называть, меня интересуютъ сейчасъ явленія духа, а не отдѣльные люди съ ихъ слабостями, съ ихъ загадочной судьбой. Революція никогда не была и никогда не можетъ быть религіозной. Революція, всякая революція по природѣ своей антирелигіозна и низки всѣ религіозныя ея оправданія. Но революція большого

масштаба можетъ имѣть религіозный смыслъ, въ ней можно искать знаки Промысла Божьяго, «судьбины Божьей приговоръ». Этотъ смыслъ и эти знаки вижу я и въ самой антирелигіозной изъ всѣхъ революцій, въ революціи русской.

Революція есть свыше ниспосланная кара за грѣхи прошлаго, роковое послѣдствіе стараго зла. Такъ смотрѣли на французскую революцію тѣ, которые глубже вникали въ ея смыслъ, не останавливались на ея поверхности. Для Ж. де Мэстра революція была мистическимъ фактомъ, онъ считалъ ее провиденціальной, ниспосланной свыше за грѣхи прошлаго. Карлейль, написавшій лучшую исторію революціи, видѣлъ въ ней послѣдствія невѣрія, потери органическаго центра жизни, наказаніе за грѣхи. Революція — конецъ старой жизни, а не начало новой жизни, расплата за долгій путь. Въ революціи искупаются грѣхи прошлаго. Революція всегда говоритъ о томъ, что власть имѣющіе не исполнили своего назначенія. И осужденіемъ до революціи господствовавшихъ слоевъ общества бываетъ то, что они довели до революціи, допустили ея возможность. Въ обществѣ была болѣзнь и гниль, которая и сдѣлала неизбѣжной революцію. Это вѣрно и по отношенію къ старому режиму, предшествовавшему революціи французской, и по отношенію къ старому режиму, предшествовавшему революціи русской. Сверху не происходило творческаго развитія, не излучался свѣтъ и потому прорвалась тьма снизу. Такъ всегда бываетъ. Это — законъ жизни. Революціямъ предшествуетъ процессъ разложенія, упадокъ вѣры, потеря въ обществѣ и народѣ объединяющаго духовнаго центра жизни. Къ революціямъ ведутъ не созидательные, творческіе процессы, а процессы гниlostные и разрушительные. Чувство любви, порывы творчества, акты созиданія никогда не приводятъ къ революціямъ. На всякой революціи лежитъ печать безблагодатности, богооставленности или проклятія. Народъ, попавшій во власть революціонной стихіи, теряетъ духовную свободу, онъ подчиняется роковому закону, онъ переживаетъ болѣзнь, имѣющую свое неотвратимое теченіе, онъ дѣлается одержимымъ и бѣсноватымъ. Не люди уже мыслятъ и дѣйствуютъ, а за нихъ и въ нихъ кто - то и что - то мыслить и дѣйствуетъ. Народу кажется, что онъ свободенъ въ революціяхъ, это — страшный самообманъ. Онъ — рабъ темныхъ стихій, онъ ведется нечеловѣческими элементарными духами. Въ революціи не бываетъ и не можетъ быть свободы, революція всегда враждебна духу свободы. Въ стихіи революціи темныя волны захлестываютъ человѣка. Въ стихіи революціи нѣтъ мѣста для личности, для индивидуальности, въ ней всегда господствуютъ начала без-

личныя. Революцію не дѣлаеть человѣкъ, какъ образъ и подобіе Божіе, революція дѣлается надъ человѣкомъ, она случается съ человѣкомъ, какъ случается болѣзнь, несчастье, стихійное бѣдствіе, пожаръ или наводненіе. Въ революціи народная, массовая стихія есть явленіе природы, подобное грозамъ, наводненіямъ и пожарамъ, а не явленіе человѣческаго духа. Образъ человѣка всегда замутнень въ революціи, затоплень приливами стихійной тьмы низинъ бытія. Тотъ свѣтлый кругъ, который съ такимъ страшнымъ трудомъ образуется въ процессѣ исторіи и возвышается надъ необъятной тьмой, въ стихіи революціи заливається дурной безконечностью ничѣмъ не сдерживаемой тьмы. Діонисова стихія сѣргаетъ всякое аполлоново начало, всякую форму и границу, всякій ликъ и образъ, связанный съ формой и границей. Наивно думать, что народъ, попавшій во власть закона революціонной стихіи, вошедшій въ магическій кругъ революціи, можетъ быть руководимъ болѣе разумными, просвѣтленными и умѣренными направленіями, жирондистами или кадетами. Нѣтъ, въ революціяхъ неотвратимо господство якобинцевъ или большевиковъ. Болѣзнь должна быть изжита, ядъ долженъ самъ себя истребить. Руководить революціей невозможно. И напрасно вы, дѣлающіе революцію и прославляющіе ее, думаете, что вы руководите ею, управляете и созидаете. О, какъ наивны, какъ темны и безсильны вы, думая, что вы свободны, что духъ свободы дѣйствуетъ въ васъ, что вы активны, что вы могущественны. Нѣтъ, вы — безсильные и пассивные рабы, рабы темныхъ страстей, орудіе темныхъ стихій. Вы, большевики, максималисты, анархисты и т. п., вы — самые пассивные люди, духовно бездвижные, неспособные къ сопротивленію стихіямъ, къ душевному усилію, одержимые энергіями внѣ васъ находящимися. Не видно вашего лика и нѣтъ у васъ лика. Вы — медиумы безликихъ стихій, въ васъ говорятъ чужіе голоса и въ голосахъ этихъ нельзя разобрать голоса человѣческаго, а слышенъ лишь шумъ и ревъ элементарныхъ природныхъ стихій. Напрасно вы, люди революціи, думаете, что вы — новыя души, что въ васъ рождается новый человѣкъ. Вы — старыя души, въ васъ кончается старый человѣкъ со старыми своими грѣхами и немощами. Всѣ ваши отрицательныя чувства — злоба, зависть, месть — приковываютъ васъ къ старой жизни и дѣлаютъ васъ рабами прошлаго. Вы — пассивный рефлексъ на зло прошлаго, вы — лишь реакція на прошлое. Въ васъ нѣтъ дыханія новаго, творящаго духа. Все существо ваше полно пямятью о злѣ прошлаго, вы не можете освободиться отъ него. Но у васъ нѣтъ памяти о добрѣ прошлаго, о нетлѣнной истинѣ и красотѣ въ немъ, у васъ нѣтъ памяти творческой и воскрешающей.

Быль ли Робеспьеръ новой душой, новымъ человѣкомъ? Нѣтъ, онъ до глубины своего существа быль старымъ человѣкомъ, человѣкомъ стараго режима, полнымъ старыхъ насильническихъ инстинктовъ. Французскую революцію дѣлали старыя души и онѣ внесли въ нее всѣ старыя грѣхи и страсти. Новая душа не родилась во французской революціи. Новая душа родилась позже, послѣ глубокой духовной реакціи на революцію, когда Шатобрианъ писалъ своего «Ренэ» и «Геній христіанства». Тогда началась новая эра, внутренне отличная отъ двухъ предшествовавшихъ столѣтій. Новый человѣкъ родился въ католической и романтической реакціи. Это удостовѣрено самыми позитивными историками. Напрасно вы, дѣлатели революціи, одержимые ея демонами, думаете, что вы — творческіе люди и дѣла ваши — творческія дѣла. Напрасно думаете вы, что эпохи революцій — творческія эпохи въ жизни человѣчества. Вы люди совершенно лишены творческаго духа, обдѣленные имъ, ненавидящіе и истребляющіе творчество. Ибо поистинѣ творчество — аристократично, оно есть дѣло лучшихъ, оно не терпитъ власти худшихъ, господства толпы, которой служите вы. Есть ли творческій духъ въ Робеспьерѣ или Ленинѣ? Не истребители ли они всякаго творческаго порыва? Творчество не терпитъ равенства, оно требуетъ неравенства, возвышенія, оно не допускаетъ оглядки на сосѣдей, какъ бы не опередить ихъ. Духъ революціи, духъ людей революціи ненавидитъ и истребляетъ гениальность и святость, онъ одержимъ черной завистью къ великимъ и къ величію, онъ не терпитъ качествъ и всегда жаждетъ утопить ихъ въ количествѣ. Никогда въ эпохъ революцій не процвѣтало духовное творчество, не бывало религіознаго и культурнаго возрожденія, не бывало расцвѣта «наукъ и искусствъ». Измѣреніе революціи — плоскостное, а не глубинное. Въ революціяхъ нѣтъ подлиннаго внутренняго движенія. Революція означаетъ остановку внутренняго движенія. Революція лишь внѣшне динамична, внутренне же она статична. Революціи никогда не цѣнятъ людей духовнаго движенія и духовнаго творчества; онѣ извергаютъ этихъ людей, часто ненавидятъ ихъ и всегда считаютъ ихъ ненужными для своего дѣла. Ваши бурныя внѣшнія движенія, люди революціи, не должны вводить въ обманъ. Въ этихъ движеніяхъ есть безвыходное круженіе. Въ круженіи этомъ изживаются пустыя страсти. Движеніе революціи всегда истребляетъ само себя, оно не ведетъ къ новой жизни. Это не есть движеніе въ глубину, это есть движеніе на поверхность поверхности. И съ поверхности оно разсѣивается, какъ пыль. Идите въ глубину, люди революціи, и всѣ ваши неистовыя движенія, всѣ ваши жѣсты и всѣ производимые вами шумы прекратятся. Тогда начнется и

въ васъ, людяхъ поверхности жизни, истинное движеніе, тогда, быть можетъ, и для васъ откроется возможность творчества. Начало внутренняго движенія, начало творчества, духовнаго углубленія означаетъ конецъ революціи, начало реакціи. Котель революціи выкипаетъ. И является потребность углубленно осмыслить опытъ революціи, познать трагическія противорѣчія жизни.

Революція не духовна по своей природѣ. Революція рождается отъ убыли, ущербленности духовной жизни, а не отъ ея подъема, не отъ ея внутренняго развитія. Лица людей, захваченныхъ революціей, говорятъ о паденіи духовной жизни. Выраженіе этихъ лицъ до ужаса не духовно и оно уже является осужденіемъ революціи. Ваши лица выражаютъ злобу и одержимость, на нихъ нельзя прочесть ни углубленныхъ мыслей, ни благородныхъ чувствъ. Ваши лица не одухотворены, въ нихъ чувствуется паденіе до самыхъ низинъ матеріальнаго міра. Революція отрицаетъ значеніе духовной жизни. Идеологія революціи исходитъ отъ внѣшняго и матеріальнаго и имъ все опредѣляетъ, а не отъ внутренняго и духовнаго. И потому никогда люди духа не могутъ одобрить вашихъ революцій, у нихъ свои, невѣдомыя вамъ революціи. Революція духа ничего общаго не имѣетъ съ вашими внѣшними, матеріальными, политическими и социальными революціями. Никогда Марксъ не былъ революціонеромъ духа. Революціонеромъ духа былъ Ницше. Но что общаго онъ имѣетъ съ вашими внѣшними революціями? Онъ ихъ презиралъ, какъ возстаніе плебеевъ. Революціонеромъ духа былъ Достоевскій. Но вы его всегда считали консерваторомъ и реакціонеромъ. А что вамъ дѣлать съ пророчески настроеннымъ Вл. Соловьевымъ, что ему дѣлать съ вами? Все, что было духовно значительнаго въ исторіи русской мысли и русскаго творчества XIX вѣка, было не съ вами, было противъ васъ. Величайшее явленіе русской культуры — Пушкинъ — не вашъ. Вы его поносили и ниспровергали, вы ему противопоставляли печной горшокъ и сапоги. Даже Л. Толстой не любилъ васъ и осуждалъ дѣла ваши! Съ вами были лишь люди второго и третьяго сорта, ни одна гениальная мысль не родилась въ вашей средѣ, не изошла отъ васъ, отъ вашего бездарнаго сѣраго духа. Вы — люди революціи — люди духовной середины и посредственности, люди среднихъ, сѣрыхъ, популярныхъ мыслей. И ваша ярость — ярость сѣрой массы, завидующей всякому величію, всякой славѣ, всякой гениальности. Природу вашу гениально постигъ Достоевскій и пророчески предсказалъ, къ чему вы придете. Лишь въ состояніи полной слѣпоты и одержимости можно сопоставлять и смѣшивать ваши революціи съ революціями духа. Революція духа родится отъ глубокой внутренней реакціи противъ вашихъ революцій, про-

тивъ вашего отрицанія всякаго духа. Вы — гасители духа, вы — самые черные реакціонеры въ самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова. Вы всегда были гасителями мысли, инерція вашей мысли страшна, она производитъ впечатлѣніе окаменѣлости. Вы всегда гнали религію, философію, поэзію, эстетику жизни . Ваши революціи дѣлаютъ не лучшее, а худшее, за революцію хватаются и на нихъ наживаются всѣ считающіе себя неудачниками и обиженными, всѣ озлобленные, всѣ пасынки Божіи, а не сыны Божіи. Революціи рождаются не отъ благороднаго сознанія вины сынами Божіими, а отъ неблагороднаго сознанія обиды сынами праха.

Всѣ революціи кончались реакціями. Это — неотвратимо. Это — законъ. И чѣмъ неистовѣе и яростнѣе бывали революціи, тѣмъ сильнѣе бывали реакціи. Въ чередованіяхъ революцій и реакцій есть какой-то магическій кругъ. Много мрачнаго бываетъ въ реакціяхъ, — въ нихъ та же ярость и мстительность, что и въ революціяхъ. И вы, люди чистой реакціи, неспособные возвыситься надъ плоскостнымъ движеніемъ вправо и влѣво, надъ противоположностью революціи и реакціи, вы тоже не способны видѣть истины болѣе полной, болѣе далекой. Вы часто бываете обратными подобіями революціонеровъ. Но послѣ потрясеній яростной революціи реакція неотвратима, въ ней есть своя правда, преломленная въ темной человѣческой стихіи. Вы, люди банальнаго и плоскаго революціоннаго сознанія, привыкли употреблять слово «реакція» въ поверхностномъ смыслѣ слова, исключительно отрицательномъ. Вы противопоставляете «реакцію» всему прогрессивному, творческому, всякому развитію, движенію. Для васъ реакція есть застой или движеніе назадъ, возвратъ къ тому, что было до революціи. Это — неправда. Въ реакціяхъ есть иная глубина. Реакція можетъ быть и творческой, въ ней можетъ быть и подлинное внутреннее движеніе къ новой жизни, къ новымъ цѣнностямъ. И никогда реакція не возвращаетъ просто къ старой жизни. Во всякой духовной реакціи на революцію открывается что - то новое, невѣдомое старому міру, рождаются творческія мысли. Нарождается что-то третье, отличное и отъ того, что было въ революціи, и отъ того, что было до революціи. Въ третьемъ открывается что-то новое, небывшее. Пережитое столкновеніе двухъ міровъ обостряетъ сознаніе, изоцряетъ мысль, даетъ новое чувство жизни. Этому научаетъ духовная реакція во Франціи начала XIX вѣка противъ революціи. Вамъ, идеологамъ революціи, совѣтую я изучать это духовное движеніе и вникнуть въ его поучительный смыслъ. Быть можетъ, главное значеніе французской революціи нужно видѣть въ томъ,

что она вызвала въ началѣ XIX вѣка движеніе католическое и движеніе романтическое, оплодотворившее всю мысль XIX вѣка. Явленіе Жозефа де Мэстра было самымъ замѣчательнымъ результатомъ французской революціи, болѣе замѣчательнымъ, чѣмъ явленіе Марата и Робеспьера внутри революціи. «Прогрессивное», творческое значеніе идей Ж. де Мэстра начинаютъ признавать самые позитивные и объективные историки мысли XIX вѣка. Ж. де Мэстръ оказалъ оплодотворяющее вліяніе и на Сень - Симона, и на О. Конта, и на все историческое и органическое мышленіе XIX вѣка. Въ глубинѣ своего духа пережилъ онъ страшный опытъ революціи и отъ этого произошло углубленіе всей католической мысли. Ж. де Мэстръ былъ уже новымъ человѣкомъ, человѣкомъ пореволюціоннымъ, а не дореволюціоннымъ. Онъ осуждалъ французскихъ эмигрантовъ и ихъ внѣшніе реставраціонные замыслы. И все французское католичество XIX вѣка было новымъ, пореволюціоннымъ католичествомъ, очень углубленнымъ по сравненію съ католичествомъ XVII и XVIII вѣковъ. «Реакціонеръ» Ж. де Мэстръ шель такъ далеко, что допускалъ возможность новаго откровенія, откровенія Св. Духа. Также новымъ, пореволюціоннымъ явленіемъ былъ и христіанскій романтизмъ Шатобріана. Обращеніе «реакціонеровъ» начала XIX вѣка къ прошлому и исканіе въ средневѣковьи своихъ корней было творческимъ обращеніемъ и творческимъ исканіемъ. Раціоналистическое просвѣщеніе, подтачивавшее духовныя основы жизни французскаго народа и заразившее и самое католичество, было побѣждено въ творческой духовной реакціи начала XIX вѣка. И послѣ этой творческой побѣды возвратъ къ раціоналистическому просвѣщенію нужно разсматривать, какъ реакцію мысли въ самомъ отрицательномъ смыслѣ слова. Католики и романтики эпохи духовной реакціи противъ французской революціи и противъ отрицательнаго просвѣтительства — наши духовные дѣды. Съ тѣхъ поръ наша мысль еще болѣе изощрилась, усложнилась и обогатилась новыми испытаніями, но по духу они намъ близки и чужды намъ тѣ, которые ведутъ свою генеологію отъ Вольтера или Дидеро. Я бы съ радостью повторилъ слова Монталамбера: «мы внуки крестноносцевъ и не уступимъ сѣмени Вольтера». Вы же люди революціи нынѣшняго дня не имѣете предковъ, вы люди безъ происхожденія, ибо происхожденіе отъ Робеспьера или Маркса не является происхожденіемъ. Революціонная идеологія не можетъ быть названа глубокой, она не знаетъ древнихъ истоковъ, она обречена быть поверхностной. Не глубоко въ идеологіи революціи это раціоналистическое отрицаніе зла, заложенаго въ природѣ человѣка и въ природѣ міра, не глубоко этотъ оптимистическій взглядъ на будущее. Революціонный разрывъ между

будущимъ и прошлымъ можетъ быть лишь отрываніемъ поверхности отъ глубины, отхожденіемъ отъ духовнаго центра жизни. Революціонизмъ есть всегда разрывъ между сыновней и отчей вѣстасью, отрицаніе отчества, т. е. утвержденіе смерти и тлѣнія вмѣсто вѣчной жизни. Въ вашихъ внѣшнихъ революціяхъ нарушается вѣчное іерархическое начало, начало органической связи, т. е. отрицается божественный міропорядокъ.

Русская революція имѣетъ типическія родовыя черты, характерныя для всякой революціи. Въ ней раскрывается та же стихія, которая раскрывалась во всѣхъ революціяхъ, надъ ней царить рокъ, царившій надъ всѣми революціями. Всѣ большія революціи имѣли свое неотвратимое теченіе, всѣ были яростны, злобны и мстительны, во всѣхъ революціяхъ побѣждали самыя крайнія теченія, во всѣхъ революціяхъ отрицалась свобода и искажался образъ человѣка. Наивны и слѣпы были тѣ изъ васъ, которые дѣлали себѣ иллюзіи о революціи и представляли ее себѣ идиллической. Революціи не идиллии, никогда революціи не были прекрасными и добрыми, никогда не торжествовали въ нихъ лучшія стороны человѣческой природы. Всѣ революціи будили темную и злую стихію въ человѣкѣ, древній хаосъ. Никогда не были революціи разумны. Никогда не приносили онѣ радости и не давали того освобожденія, о которомъ мечтали предшествующія поколѣнія. Никогда въ исторіи не бываетъ того, чего ждуть мечтатели. И въ русской революціи, какъ и во всякомъ историческомъ событіи, есть свои неповторимо индивидуальныя особенности. Это особенности народа, непохожаго ни на одинъ народъ міра и особенности исторической обстановки, непохожей ни на одну изъ обстановокъ бывшихъ до сихъ поръ революцій. Русская революція есть событіе производное отъ міровой войны. Она есть эпизодъ міровой войны. И революція эта имѣетъ прежде всего одинъ горестный и унижительный для русскаго народа смыслъ: русскій народъ не выдержалъ великаго испытанія войны. Всѣ народы приняли участіе въ міровой борьбѣ съ тѣмъ духовнымъ и матеріальнымъ багажемъ, который накопился у нихъ за долгую исторію. Русскій народъ оказался банкротомъ. У него оказалось слабо развитымъ чувство чести. Но не народная масса въ томъ виновата, вина лежитъ глубже. И не объ этой связи революціи съ войной хочу я сейчасъ говорить. Я хочу говорить объ особенностяхъ русскаго народа и о вліяніи этихъ особенностей на русскую революцію. Русскій народъ непонятенъ западнымъ людямъ. Непонятна имъ и русская революція. Вся ткань русской природы иная, чѣмъ ткань природы западной.

Русскій народъ не есть народъ западно - европейскій, онъ — въ бѣльшей степени народъ восточно - азіатскій. Душа русскаго народа — сложная и запутанная душа, въ ней столкнулись и смѣшались два потока міровой исторіи, восточной и западной. И эти двѣ стихіи въ душѣ русскаго народа не были органически претворены въ цѣльный характеръ, въ единую волю и единый разумъ. Вы всё, усвоившіе себѣ верхушки западной мысли, но никогда не проникавшіе въ ея тайники, вы, русскіе интеллигенты, въ которыхъ непросвѣтленная восточная стихія соединяется съ поверхностнымъ западнымъ сознаниемъ, вы неспособны къ акту самосознанія, вы безсильны постигнуть тайну Россіи. И западники и славянофилы не могли понять тайны русской души. Чтобы понять эту тайну, нужно быть въ чемъ - то третьемъ, нужно вознестись надъ противоположною двухъ началъ, восточнаго и западнаго и двухъ сознаний — славянофильскаго и западническаго, нужно знать Востокъ не только по смутнымъ переживаніямъ восточной стихіи и Западъ не только по поверхностному западническому сознанию. Острота познанія рождается отъ выхода въ третье изъ двухъ противоположностей. Россія есть великій и цѣльный Востоко - Западъ по замыслу Божьему и она есть неудавшійся и смѣшанный Востоко - Западъ по фактическому своему состоянію, по эмпирическому своему состоянію. Вы, революціонеры, — восточники по своей стихіи и западники по своимъ ученіямъ, вы загубили великій замыселъ Божій о Россіи, вы помѣшали претворенію двухъ стихій и двухъ началъ въ высшую полноту, подлинную всечеловѣчность. Тайна души Россіи и русскаго народа, разгадка всѣхъ нашихъ болѣзней и страданій — въ недолжномъ, въ ложномъ соотношеніи мужественнаго и женственнаго начала. Въ тайникахъ Россіи, въ душѣ русскаго народа не совершилось внутренняго брака, брачнаго соединенія мужественнаго и женственнаго начала, не былъ осуществленъ андрогинный образъ. Мужественный духъ не соединился органически съ женственной душой Россіи, не овладѣлъ извнутри народной стихіей. Въ Россіи не произошло того, что произошло во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, у всѣхъ народовъ Запада. Тамъ на извѣстной ступени развитія въ національно своеобразной формѣ пробуждался мужественный духъ и извнутри, органически оформлялъ народную стихію. Русская земля все оставалась женственной, все невѣстилась, все ждала жениха со стороны. Она отдавалась многимъ мужьямъ со стороны приходившимъ, но никогда не происходило отъ этого истиннаго брака. Русскій народъ никогда не могъ изъ собственныхъ нѣдръ родить мужественной власти, онъ искалъ ее на сторонѣ, призывалъ варяговъ или нѣмецкихъ чиновниковъ. Русская церковь и рус-